

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882Анд.06

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-4-19–24

Э.Н. Ширванова, Р.М. Гаджиева

Индивидуалистические мотивы в творчестве Леонида Андреева (мотивы пессимизма, одиночества и бунта)

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; almirash18@gmail.com

В статье проведен анализ особенностей индивидуалистического мировоззрения в раннем творчестве Леонида Андреева. Изучение данных особенностей позволит понять, как писатель воспринимает культурно-национальную сущность личности и эпохи, а также расширит представление об эстетических воззрениях художника. В творчестве писателя пессимизм и одиночество представляют собой переживание «истинного бытия» с точки зрения метафизического ужаса перед открытой пропастью мира. Цель данной статьи – раскрытие специфических свойств философии и эстетики Андреева, выражающихся в способности видеть пограничные области бытия, что определяет экзистенциальный характер его прозы. В статье отмечается, что главным принципом мировоззрения Андреева является антиномизм, который проявляет смыслообразующие мотивы пессимизма и одиночества. Специфика антиномий в ранних рассказах заключается в том, что человек не ощущает радости жизни, чувствует, что Бог оставил его, и в то же время непоколебимо верит в его существование.

Анализ прозы Леонида Андреева свидетельствует о том, что для передачи особенностей мировосприятия он выбирал жанр рассказа. Данный жанр позволяет писателю в полной мере отразить критические ситуации, попадая в которые, человек оказывается на грани выбора между истиной и ложью, жизнью и смертью, Богом и Дьяволом. Смещая акценты с внешних событий на внутренний мир героев, Андреев постигает человеческую душу, наполненную страхом перед жизнью и смертью.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, мировоззрение, мотив, бытие, одиночество, человек, Бог.*

Творчество Леонида Андреева, одного из самых обсуждаемых авторов XX века, отразило в себе наиболее страшные годы России на рубеже эпох. Именно поэтому главным героем его произведений становится отчаявшийся человек, осознавший абсурдность жизни и обреченность мира. Целью автора было изучить человека таковым, какой он есть, постичь его душу, полную одиночества, ужаса и ненависти. Нельзя говорить о том, что Андреев пессимист: ведь, создавая свои творения, автор был устремлен к светлому идеалу. Ему нравится человек, он в него верит, пытается отыскать, в чем смысл жизни, единство противоположных основ мироздания. Свойственный его персонажам индивидуализм закономерен; в начале прошлого столетия началось формирование индивидуалистического мировоззрения. Изучение сущности человека и мира у Андреева происходит при помощи концепции трагического, которая впервые получает свое развитие в фельетоне, посвященном постановке драмы Ибсена «Дикая утка» (1900). В основе его композиции лежат принципы контраста и

иронии. В роли пессимиста здесь выступает Кот, переживший крах детских и юношеских иллюзий. Этот персонаж гротесково совмещает кошачьи повадки и человеческое поведение. Перед глазами читателя проходят основные этапы его жизни, а затем звучат обобщающие суждения: «Тысячи лет стоит мир, и так изменилась земля в руках человеческих, что сам Творец, ее создавший, теперь не узнал бы ее, а ни счастливее, ни богаче, ни умнее, ни свободнее не стал человек. Потому что все его дни – скорбь. А его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!» [1, с. 151].

Следует отметить, что в своих фельетонах Андреев соединяет концепцию трагического и концепцию смеха, тем самым отражая всю абсурдность мира и человеческой жизни. По его мнению, источники смеха (как и трагедии) – в самой жизни: «После печального всегда идет что-нибудь смешное» [3, с. 127]. Искусство, отражая эту жизненную закономерность, тоже чередует и гротесково сопрягает смешное и печальное: «Так действуют богатые вымыслом драматурги, так поступает иногда и сама жизнь» [3, с. 107]. Еще один источник смеха в литературе – субъективный мир автора, смотрящего на окружающую его действительность с иронией. Именно ирония помогает разоблачать абсурдность и бессмысленность жизни современного человека, показывать истинный масштаб его души, сердца, ума и поступков. И тогда то, что люди называют свободой, оказывается всего лишь жизнью на даче («Безумство храбрых», 1901), якобы цивилизованная европейская дипломатия – варварским истреблением азиатских и африканских народов («О китайских головах», 1901), технический прогресс – новыми способами закабаления большинства человечества («Шалости прогресса», «Свободный полет»; оба – 1901). Ирония фельетониста обнажала суть «общих идей» и «футлярных» истин («Я», 1901). Кроме того, ирония «сняла» дидактический пафос в его произведениях, корни которого, как показал Андреев-фельетонист, уходят в самоуверенность обывателя, полагающего, что он владеет истиной и потому знает «правила» добра и жизни [4, с. 67–71].

Наконец, в связи с изложенной концепцией мира и человека в фельетонах Андреева были охарактеризованы художественные формы и принципы, которые, с его точки зрения, способны наиболее адекватно изображать жизнь и влиять на нее. Речь идет о специфике и функциях не только иронии и гротеска, но и образов-символов. Развиваясь, варьируясь, принимая форму олицетворения или видения, образ мысли, совместив несовместимое, превратился в гротесковый динамичный символ, а затем в мифологему, обозначающую роковую власть над судьбой человека. Это отразилось в «Рассказе о Сергее Петровиче» (1900). Сначала жизнь представлялась Сергею Петровичу как «длинный и узкий серый коридор, лишенный воздуха и света» [10, с. 113]. Затем «под яркими лучами» учения Ницше он, «прозрев», открыл смысл своей жизни в исполнении функций «полезного материала» для рынка, статистики, истории, прогресса и т. п. Герой впервые поднимает бунт против такой роли в мироздании, уготованной ему «природой и людьми». Причем этот «душевный мятеж» протекает в форме видения: «Сергей Петрович представлял себе книги, которые пишутся о нем или о таких, как он. Он ясно видел печатные страницы, много печатных страниц, и свое имя на них» [1, с. 151].

Бунт человека против уготованной роли в мироздании находит своё отражение и в пьесе Леонида Андреева «Савва», написанной в 1906 году. Савва в этом произведении выступает борцом за новый мир, который можно построить, лишь разрушив старый. Его действия продиктованы холодной расчётливостью. Образ Саввы выражает то, каким именно может стать человек на рубеже эпох. И речь идёт не столько о

рубеже веков, сколько о глобальных изменениях, происходящих в обществе, во всех сферах жизни. Савва – это воплощение трагизма человеческого существования на стыке столетий [4, с. 53–55].

Смерть Саввы в финале пьесы неизбежна, поскольку для общественных и религиозных деятелей неприемлема его активная и бескомпромиссная позиция, угрожающая всем их представлениям о мире. Бунт Саввы – это восстание сильной личности против религиозных устоев общества. Борьба мировоззрений переходит в реальное, физическое противостояние, в котором общество одерживает верх, а личность терпит крах и погибает, так как время коренных революционных перемен еще не настало.

Отмеченные особенности поэтики и авторской позиции характерны и для большинства других ранних рассказов и новелл Андреева. Так мотив призрачности жизни звучит в новелле «Валя», вызывающей благодаря интертексту ассоциации с «Ночью» (1888) Короленко. И у Андреева, и у Короленко в центре сюжета находится детское восприятие окружающего мира, наполненное воображением и фантазией. Дети подсознательно ощущают нечто незримое в окружающей действительности, некую силу, которая властвует над жизнями людей. Однако у Короленко обстоятельства, в которых дети внезапно заглядывают за кулисы бытия, не выходят за естественные рамки при всей своей необычности (момент появления на свет младшей сестры). У Андреева же ребенок оказывается в абсолютно ненормальной жизненной ситуации, когда он должен выбрать между родной матерью и мачехой.

Призрачность жизни проявляется и в одиночестве героини с символическим именем Вера в рассказе «Молчание» (1900). В его название вынесен еще один, основной образ-символ, играющий важную роль в развитии конфликта произведения. Тишина, молчание представляют собой глухую стену между близкими людьми – матерью, отцом и дочерью. Старания родителей эту стену разрушить не приводят к положительным результатам. Только дочери становится ясно, что «стена» между ними несокрушима. Она не может пережить одиночества и решается на самоубийство. После этого эстафета молчания переходит к потрясенной матери, вдруг осознавшей невыразимость пережитого ужаса и горя. И лишь отец тщетно пытается разгадать тайну, о которой не рассказала дочь [7, с. 237].

В рассказе Андреева нематериальная сущность как бы материализуется, олицетворяется в гротесково-символическом образе, превращающемся в неомифологический. Молчание вступает в противостояние с волей человека, преследует его и доводит до изнеможения. Оно преследует героя в комнате дочери, жены, во всем доме, а затем и на кладбище: «Молчание гонит. Оно поднимается от зеленых могил; им дышат угрюмые серые кресты; тонкими, удушающими струями оно выходит из всех пор земли, насыщенной трупами. Все быстрее становятся шаги о. Игнатия. Оглушенный, он кружится по одним и тем же дорожкам, перескакивает могилы, натывается на решетки, цепляется руками за колючие жестяные венки, и рвется в клочья мягкая материя» [1, с. 91]. Такие картины, оказывающие очень сильное эмоциональное воздействие на читателя, свидетельствуют о зарождении в ранней прозе Андреева экспрессионизма [5, с. 17–18].

Образ-символ молчания взаимодействует в рассказе с не менее символическим именем героини. Если же вспомнить, что речь идет не просто об отце, потерявшем дочь, но и о священнике, потерявшем Веру, то вся коллизия обнаруживает еще одно значение, скрытое в подтексте. Это рассказ об утрате современным человеком веры, оборачивающейся для него трагедией. Создатель, небесный отец бросил собственное

чадо, обреч на одинокое существование и мучения в вечной погоне за Истиной. Подобное сопряжение проблемы экзистенциального одиночества человека с проблемой возможностей и границ человеческого познания будет характерно и для зрелой прозы Андреева, где богооставленность человека окажется источником его слепоты, безумия, неумения различать истинное бытие и мнимое, призрачное.

Ощущение зла и хаоса бытия в творчестве Андреева тесно переплетается с одиночеством, безысходностью и смертью. Герои его произведений – в первую очередь одинокие люди. Их одиночество является результатом собственного бессилия, невозможности найти ответы на «вечные» вопросы, познать Истину и смысл собственной жизни. Единственное, что они ощущают в мире, – это хаос, ужас и бессмыслицу, которым найти оправдание они не в состоянии. У этих людей нет ни веры, ни знаний, ни уверенности в том, что мир когда-либо станет лучше. В конечном итоге это приводит к тому, что человек полностью сосредотачивается на неразрешимых проблемах, погружается в страх жизни и смерти, абсолютно изолируясь от мира. Единственным спутником человека в подобном мире становится всепоглощающее и всеобъемлющее одиночество. Одиночество у Андреева вовсе неоднородно, оно имеет самые разные оттенки и воплощения. Оно может быть безысходным («Вор»), беспредельным («Город»), глубоким и страшным («Жили-были»), рождающим ужасную тоску («Гостинец»), безумным («Мысль»), ужасным («Рассказ о семи повешенных») [9, с. 229–238].

Многим героям произведений Андреева свойствен ужас не только перед смертью и небытием, но и перед самой жизнью. «Страшнее жизни ничего нет», – говорит Савва. Спасение, которое находит каждый из героев, заключается либо в смерти, либо в не менее ужасающих событиях. Хижняков, герой рассказа «В подвале», спасается в подвальном углу, погрузившись в одиночество. Пьяницы из «Жизни человека» забывают об ужасах жизни в грязном кабаке. Их жизнь не имеет никакого смысла, она вбирает в себя лишь жестокость, абсурдность и бесконечный страх перед новым днем. Соединяя человеческие судьбы, Андреев помещает их единым целым в границы каменного города. Именно поэтому город становится центром абсурдности, в котором люди потоком стремятся навстречу смерти как к возможному спасению. Несмотря на единство, каждый человек одинок, и это одиночество лишь усиливается в безликой толпе. Так, например, в новелле «Город» повествование ведется в 3-м лице, но запечатлевает субъективное восприятие города героя как «равнодушно-жестокое» и «непобедимое», обрекающего человека на безысходное одиночество, тоску и ужас приближающейся смерти. Для воссоздания такого мироощущения Андреев, как и Гоголь, обращается к гротеску, гиперболе, контрасту и демонологии [7, с. 66–70].

В то же время ощущение хаоса и зла бытия Андреев передает не с помощью гоголевской фантастики (ср.: «Портрет», «Нос», «Шинель»), а благодаря созданию нового типа динамичных, антропоморфных символов, превращающихся в неомифологические образы и образующих глубокий, неомифологический уровень осмысления коллизий, что достигается благодаря олицетворению, гиперболизации и гротесковому сопряжению реальных черт урбанистического пейзажа и признаков мифологического чудовища: «Колоссальной тяжестью своих каменных раздутых домов он давил землю, на которой стоял, и улицы между домами были узкие, кривые и глубокие, как трещины в скале. И казалось, что все они охвачены паническим страхом и от центра стараются выбежать на открытое поле, но не могут найти дороги, и путаются, и клубятся, как змеи, и перерезают друг друга, и в безнадежном отчаянии

устремляются назад ... и идущему человеку становилось страшно: будто он замер неподвижно на одном месте, а дома идут мимо него бесконечной и грозной вереницей» [1, с. 55].

Соединение олицетворения, гиперболы и гротеска становится способом воплощения ужаса и смятения одинокого человека перед враждебным и непонятным ему миром. В итоге образ города приобретает символично-мифологическое значение миропорядка в целом. Жизнь же человеческая оказывается ограниченной городом и кладбищем. И хотя герою кажется, что где-то за ними есть «широкое, свободное поле, где легко дышит под солнцем свободная земля», подсознательно он ощущает, что «как бы скоро он не бежал, его будут провожать по сторонам все дома, дома, и он успеет задохнуться, прежде чем выбежать за город» [1, с. 58].

Как и для А. Камю и Ж.-П. Сартра, для Андреева ведущей философской проблемой была проблема одиночества, на которое человек обречен с момента рождения. Но если для зарубежных философов в одиночестве заключались высшая ценность и свобода для человека, то Андреев отразил совершенно иную сторону, наполненную кошмарами и страданиями. Кроме того, с мотивом одиночества у автора связаны проблемы «я», общества, познания Истины, Небытия и Судьбы. Именно поэтому почти все персонажи этого писателя страдают, ощущают бесконечную тоску и страх, погружаются в абсолютное одиночество, выбраться из которого, не покончив с собой, они не имеют возможности [8, с. 279–281].

Однако Леонид Андреев, несмотря на признание быстротечности человеческой жизни, ставящей под сомнение существование в этих мгновениях какого-либо смысла, все же продолжал настойчиво искать его здесь, на земле, отвергая надежды на мир иной. В 1904 году он писал Вересаеву: «Смысл, смысл жизни – где он? Бога я не приму, пока не сдурею, да и скучно – вертеться, чтобы снова вернуться на то же место. Человек? Конечно, и красиво, и гордо, и внушительно, – но конец где? Стремление ради стремления – так ведь это верхом можно поездить для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ, на завершение, нелепо. А ответа нет, всякий ответ – ложь. Остается бунтовать – пока бунтуется, да пить чай с абрикосовым вареньем» [3, с. 107]. Леонид Андреев, несмотря на его уверенность в абсурдности мира, продолжил поиск до конца жизненного и творческого пути.

Литература

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1990–1996.
2. Боева Г.Н. Об одной сюжетно-стилевой реминисценции: «дети убийцы» у Л. Андреева («Красный смех») и З. Прилепина («Черная обезьяна») // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Востоковедение. Филология. Журналистика. – 2014. – № 4. – С. 5–13.
3. Боева Г.Н. Дневники Леонида Андреева: Ключи к творчеству // Человек. – 2015. – № 1. – С. 177–185.
4. Боева Г.Н. Драматургические новации Л. Андреева и С. Пшибышевского: рецептивный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1, № 3 (3).
5. Боева Г.Н. Творчество Леонида Андреева как явление модерна: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8 (62), ч. 1. – С. 17–18.
6. Боева Г.Н. Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи: дис. ... д. филол. наук. – СПб., 2016.

7. Боева Г.Н. Поэтика ужаса в творчестве Л. Андреева: рецептивный аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2015 (май). – Т. 2, № 3 (148). – С. 66–70.

8. Вологодина Т.Л. Философский контекст прозы Л. Андреева: (Параллели и созвучия с идеями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вильнюс, 2004.

9. Джулиани Р. Леонид Андреев – художник «панпсихизма»: теория и практика лицом к лицу в рассказе «Бездна» // Леонид Андреев: материалы и исследования. – М.: Наследие, 2000. – С. 229–238.

10. Иезуитова Л.А. Первый рассказ Леонида Андреева // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: избранные труды. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 211–219.

Поступила в редакцию 29 ноября 2019 г.

UDC 882Анд.06

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-4-19-24

Individualistic Motifs in Leonid Andreev's Literary Works (motifs of pessimism, loneliness and rebellion)

E.N. Shirvanova, R.M. Gadzhieva

*Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
almirash18@gmail.com*

The article analyzes the features of individualistic worldview in the early works of Leonid Andreev. In our opinion, the study of these features allows to understand the perception of the writer of the cultural and national essence of the person and the era, as well as expand the idea of the aesthetic views of the artist. In the writer's work, pessimism and loneliness represent the experience of "true being" in terms of metaphysical horror of the open abyss of the world. The purpose of this article is to reveal the special features of Andreev's philosophy and aesthetics, expressed in the ability to see the boundary facets of being, which determines the existential nature of his prose. The research has shown that the main principle of Andreev's worldview is antinomism, which manifests the meaning-forming motifs of pessimism and loneliness. The specifics of the antinomies in the early stories is the combination of a sense of joyless human life, the abandonment of man by God with an unshakable belief in his existence. In the process of analyzing Leonid Andreev's prose, it becomes obvious that he chose the genre of the story to convey the peculiarities of the world perception. This genre allows the writer to fully reflect the critical situations in which a person finds himself on the verge of choosing between truth and lies, life and death, God and Devil. Shifting the emphasis from external events to the inner world of the characters, Andreev comprehends the human soul, filled with fear of life and death.

Keywords: *Leonid Andreev, worldview, motive, being, loneliness, man, God.*

Received 29 November, 2019